

В.Н. Ивановский

**Методологическое введение в
науку и философию**

Том 1

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 101
ББК 87
В11

В11 **В.Н. Ивановский**
Методологическое введение в науку и философию: Том 1 / В.Н. Ивановский –
М.: Книга по Требованию, 2023. – 285 с.

ISBN 978-5-458-54485-6

ISBN 978-5-458-54485-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ментарные „вершки“, учатся в ней «чему-нибудь и как-нибудь», а затем спешат к использованию этих элементов в целях либо моралистической проповеди, либо тех или иных „красивых“ построений поэтически-религиозной публицистики. Моя точка зрения *радикально иная*. Философия есть, прежде всего, *наука*; и раньше всякого „использования“ ее выводов для тех или других целей, надо *серьезно изучать ее самое, как таковую*. И своей работой я хотел бы посылить помочь превращению нашей русской философии в серьезную школу научной мысли.

Эта стадия уже довольно давно достигнута западной философией—и в Германии, и в Англии, и во Франции. Пора и нам *европеизироваться* в этом отношении, поставив в основу философского мышления и образования *философию, как науку*, строго отделив ее от всякого рода вненаучного „уповаемых извещения, вещей обличения невидимых“. Там своя, особая методология, могущая (как это видно в истории) существенно *меняться* под влиянием успехов научного и философского знания, имеющего основное, законоположенное значение. И хотя „смешивать два эти ремесла есть тьма охотников,—я не из их числа“. Первое условие успеха во всяком деле—ясное и строгое разграничение того, что различно по существу.

Текст моего курса и явился плодом компромисса между этими двумя тенденциями.

В частности я должен указать на то, что совершенно краткие и элементарные сведения из истории философии во II-й главе никоим образом не должны считаться, хотя бы и кратким, *обзором* истории философии. Первоначально у меня были здесь совсем краткие замечания; но некоторые слушатели говорили мне, что эти замечания их не удовлетворяли и что им хотелось бы тут составить себе хотя бы самое общее представление о *движении* философской мысли в ее истории. С этой *только целью* я и расширил эти замечания. Чтобы превратить их в обзор истории философии, их надо было

бы сделать в несколько раз обширнее и совершенно иначе построить. Я часто довольствовался для характеристики мыслителя какой-либо одной чертой его воззрений, и совсем не касался его философии в целом. Так что, поскольку я даю *очень неполные* характеристики мыслителей, я считаю нужным это прямо оговорить.

Следы того, что книга возникла из курса, остались еще кое-где в виде повторений, без которых чтение лекций невозможно в виду их важного педагогического значения.

При окончательной обработке курса в Минске зимой и весной 1923 г. я был лишен возможности пользоваться многими капитальными научными и философскими сочинениями; многое приходилось цитировать на память, так что и в цитатах, и в ссылках могут быть неточности, в которых заранее извиняюсь и за указание которых буду очень благодарен. Очень сожалею о том, что (частию благодаря техническим условиям—неясности корректурных оттисков на шереховатой бумаге) в книге остались опечатки. Прошу, в частности, исправить искажающую смысл опечатку на стр. 48, строка 12-я сверху: вместо „ноге“ должно быть „паче“*).

3. В книге мне приходится касаться самого разнообразного научного материала, и в этом есть двойная опасность: специалистам краткие справки по методологии и истории их науки могут показаться тривиальными; новичков-профанов они могут не заинтересовать потому, что у них мало еще знаний и в их собственной специальности, не говоря уже о других областях науки. И тем не менее, я считаю даже элементарное ознакомление с типами наук, с их методами и их основными проблемами чрезвычайно полезным в образовательном отношении. У нас в общем господствует тип чрезвычайно узкого образования: словесник нередко плохо понимает

*) К сожалению также в нескольких местах осталась неправильная нумерация параграфов.

VII

различие вен от артерий; естественник высказывает в области общественно-исторических наук взгляды, в частичное извинение которых можно привести только разве то, что до них он, как судья Тяпкин—Ляпкин «своим умом дошел»; математикой не интересуется почти никто, кроме специалистов в этой области, и т. д. У меня материал по методологии и истории наук накапливался с довольно давних пор—с того времени, как я в 1896 г. начал работать над переводом „Системы логики“ Д. С. Милля. И если специалисты найдут частичные погрешности в моих ссылках на научные теории, пусть извиняет это, приняв во внимание трудность накопления и продумывания такого рода сведений.

Мой курс читался в последнее время студентам всех отделений Педагогического факультета: и математикам, и естественникам, и словесникам, и историкам. И если бы мне удалось каждую из этих групп специалистов до известной степени заинтересовать науками, изучаемыми остальными группами, я счел бы себя удовлетворенным. Это было бы некоторым приближением к идеалу более широкого научного образования, скрепляемого в некоторое единое целое научно-философским рассмотрением методологии и истории знания во всех его областях,—к идеалу, дорогу к которому указывает немецкая система «философских факультетов».

4. Мы не знаем еще тех окончательных форм, в которые выльется у нас новый общественный порядок: мы живем в момент перестройки старого здания. Но многое уже стало несомненным; и между прочим, во-первых, то, что, вероятно, нигде в мире нет сейчас такого широкого, демократического базиса для пропаганды научного знания и научно-философской культуры; во-вторых, что многое из того, что введено революцией, начинает уже становиться привычным, начинает входить в нравы, в общее сознание,—и прежде всего, принципиальная равноправность в идейном и общественном отношении всех граждан без различия классового положения.

VIII

И этим несомненным фактам должно идти на встречу широкое движение настоящего, научного знания к народным массам. Народы России должны не только выбрать и усвоить все лучшее из культуры прежней эпохи, но и быть в состоянии вести культурную работу дальше; а для этого они должны пройти серьезную научную школу.

На наших глазах старая Россия, несомненно, несмотря на случайные отклонения, в общем европеизируется быстрее, чем это было ранее. Усвоение „западной“ теоретической науки отнюдь не должно отставать от горячего стремления быстро усвоить промышленную технику Запада Европы и Америки, и задача ученых дать для этого подходящий и доброкачественный материал.

Принципы нового общественного строя должны вести к известным *производственным результатам* через посредство *трудового начала*. Труд есть исходная точка; производство материальных и умственных ценностей—завершающий момент.

Пусть же и в умственной сфере мы через правильно поставленный труд пойдем к настоящей, плодотворной научно-философской культуре...

Вл. Ивановский.

Минск.

21 мая 1923 г.

ВВЕДЕНИЕ.

1. Социологическая и логико-методологическая точки зрения на «науку».

1. Несомненно, что знание в своей элементарной форме возникает *первоначально* из практической деятельности—в частности особенно из труда, направленного на удовлетворение жизненных потребностей, из производственной практики и обуславливаемых ею социальных моментов. «Всякая наука *родится* из практики, из условий и потребностей жизненной борьбы общественного человека с природой и различных общественных групп с общественной стихией *) или с другими общественными группами». (Н. И. Бухарин. Теория историч. материализма, 181). Точно так же и в дальнейшем знание и наука стоят под многообразными влияниями реальной жизни, природной и социальной действительности.

И с другой стороны, столь же несомненно, что наука не является простым, пассивным отражением „жизни“, что она имеет и некоторую самостоятельную *цель* (познание „истины“), и свой особый внутренне закономерный строй и состав, свою *логику*.

Оба эти положения равно справедливы; но они относятся к разным сторонам факта «науки». Первое составляет ответ на вопрос о *происхождении отдельных элементов и частей* научного знания; второе касается *систематического состава науки*, как некоторого целого доказанных, проверенных и лишенных внутренних противоречий знаний. Первое

*) Не совсем ясное понятие.

имеет дело с *социально-психологической*, второе — с *логико-методологической* проблемой „науки“.

Социально-психологическое и логико-методологическое (а затем и собственно „философское“, которое мы пока оставляем в стороне) рассмотрение науки—это *не два* исключаящие друг друга *решения одной и той же* проблемы, а две различных проблемы, две стороны некоторого одного более широкого вопроса.

2. В каких отношениях научное знание и «наука» зависят от природных и социальных условий?

Во-первых, в силу зависимости всякой человеческой психики и всякого мышления от всех природных—физико-химических, физиологических, психологических и др.—основ и сил как самого индивидуума, являющегося субъектом научного мышления, так и окружающей его природы. Сюда надо отнести не только природные дарования человека, но и географические, климатические и иные подобные условия. «Наука», т. е. научная работа, невозможна, напр., для европейцев в некоторых, не переносимых ими условиях жарко-сырого, тропического климата; такая работа крайне затруднена для человека, главная масса энергии которого направлена на тяжелую физическую (или вообще далекую от умственной) работу; она требует известной специализации, привычки, известного физиологического приспособления, развивающегося у индивидуума лишь очень постепенно, а отчасти передаваемого даже и по наследству, и т. д.

Во-вторых, „наука“ требует сохранения и поддержания жизни и здоровья, а также известных материальных предпосылок работы для тех, кто над ней работает, кто ее создает или изучает или прилагает; а эти предпосылки суть известные функции общественного строя. В первобытных обществах сама человеческая жизнь плохо обеспечена, и большое количество, быть может, весьма ценных сил прямо гибнет. Гёте, напр., родился в состоянии удушения („асфиксии“); его оживили искусственно; а родись

он, положим, в Патагонии, быть может, он бы немедленно после рождения умер. Если бы он и выжил, он легко мог бы быть убит врагами или растерзан зверями, мог бы утонуть на рыбной ловле, умереть от истощения в одну из периодических голодовок, стать неизлечимо больным, калекой и т. п.

В-третьих, „реальная жизнь“ влияет на „науку“ еще и тем, что первая, так сказать, очерчивает круг и определяет формы выявления и приложения труда и достижений работников науки (и вообще мысли). Допустим, что у патагонцев „случайно“ (т. е. в силу неизвестных нам комбинаций наследственных задатков) родился человек с потенциальными талантами Пушкина или Ньютона. Очевидно, что он будет (если останется жив) применять свою гениальность в формах, соответствующих реальным условиям патагонской жизни. Он не будет *писать* стихотворений или драм, раз у народа нет письменности (предположим, что ее нет), не будет создавать научных теорий. На всем его творчестве будет лежать печать реальных жизненных тенденций и возможностей: — они будут сказываться на его идейном содержании, на выборе мотивов, образов, предметов и методов изучения. Влияние его будет ограничено уже тем, что его творения не смогут быть напечатаны, и т. д.

В-четвертых, развитие „науки“ зависит от степени *дифференциации*, специализации и разделения общественного труда, от того, выделена-ли группа лиц, специально приставленных к научной работе, и от того, хорошо или нет „оборудована“ техника работы этих специалистов и всех вообще занимающихся в данной области лиц.

Конечно, потенциально (в возможности) многие факты, которые использует специалист в своих теориях, находятся в распоряжении каждого члена общества. Но этот материал надо осознать; надо опенить *именно его*, как пригодный (или непригодный) для обоснования на нем науки; надо его «отвлечь», выделить в общей форме «принципа», систематизировать, сделать в нем отбор, формулировать его, показать его на конкретных фак-

тах и т. д. Только тогда он может дать основу для науки. А все это—специальные функции, требующие особой трудовой дифференциации для своего выполнения. Миллионы людей пилили и строгали; миллионы смотрели на небо; миллионы получали заработную плату от фабрикантов. Но лишь Галилей создал механическую физику; лишь Кеплер определил форму планетных орбит; лишь Маркс создал теорию прибавочной стоимости. В науке «реальная жизнь» есть лишь невидимый и неслышимый никем, кроме творца научного знания, суфлер; он говорит лишь устами ученого.

Исторически параллельно с дифференциацией специалистов происходит и «координация» их работы; возникают школы, создается письменность и научная литература,—«наука» получает внешнюю организацию. Научные специалисты получают свободу от других работ и досуг для отправления своего профессионального труда; они имеют для своих занятий библиотеки, лаборатории, музеи и т. д.; они проходят известный стаж, известные испытания, несут определенные обязанности, и т. д., и т. д.

В-пятых, жизнь влияет определяющим образом на «науку» и в том смысле, что она дает изучающему запас опыта, обогащает его аналогиями, пригодными для объяснения неизвестного, для построения гипотез. Конечно, от глубины понимания, ; от чутья самого изучающего зависит, какую из аналогий он воспользуется в каждом данном случае; не будь такой «свободы», не было бы неправильных, ошибочных теорий, не было бы частичных и постепенных приближений к истине—в ряду сменяющих друг друга теорий и т. д. Однако, репертуар возможных объясняющих аналогий дает, главным образом, «жизнь» (в смысле наиболее привычных переживаний непосредственного опыта и построения).

В-шестых, определяющее влияние «жизни» сказывается и в том, что в каждую эпоху в состав науки включаются лишь те из воззрений специалистов, «ученых» и т. д., к оценке и усвоению которых подготовлена данная эпоха (в лице тех или других групп ее представителей).

Отсюда постоянная возможность для ученого быть «не понятым», «не оцененным», «не признанным» своими современниками, возможность «опередить» свою эпоху. Такие случаи нередко бывали и в действительности: механические предвидения Рокера Бэкона оказались научными лишь через 300—350 лет после своего появления; а мнение некоторых греческих астрономов о том, что Земля вращается вокруг Солнца, было принято даже почти через две тысячи лет, и т. д. «Наука» есть система взглядов, не только проверенная и доказанная, но, с другой стороны, также и *признанная* за истинную известным (не очерченным определенно, понимаемым лишь приблизительно) человеческим коллективом.

Нечто аналогичное имеет место и в отношении к создаваемым на основе научного знания техническим изобретениям, практическим применениям науки. Изобретатель может придумать приспособление которое окажется чудодейственным при известных условиях. Но если этих условий в окружающей среде нет, его изобретение останется *психологическим курьезом*, индивидуальным паритетом, свидетельством гения его творца, но не превратится в *социальный факт*, и может погибнуть бесследно; ибо жизнь могущественно влияет на отбор сохраняемого, входящего в традицию. Множество изобретений (или, по крайней мере, предчувствий их, приближений к ним) или вовсе погибли или ждали долгое время своего практического осуществления, потому что жизнь не представляла на них спроса. Паровая машина, как говорят, была раньше Уатта изобретена в Сибири; но модель ее «за ненадобностью» стояла в амбаре, потому что, поскольку была нужна механическая сила, ее было вдоволь в виде мускульной силы подневольного труда.

Наконец, *в-седьмых*, „жизнь“ в некоторых случаях оказывает на „науку“ психологически обуславливающее влияние еще и через известные практические, жизненные тенденции, подсказывающие исследователям *определенные решения* теоретических вопросов. *Реально* «наука» воплощается в деятельности тех, кто над нею работает. А эти работники могут иногда (хотя бы бессознательно) отдавать предпочтение одним решениям вопросов перед другими, руководясь, напр., политическими соображениями, классовым интересом, религиозной ревностью, разного рода бытовыми, психологическими предпочтениями, привычкой и т. д.

Таковы некоторые из тех путей и отношений, в каких реальная жизнь воздействует на научное

знание и так или иначе определяет как его форму, так и его содержание и его общественную роль и значение.

Несомненно, что все продукты культуры бесчисленными нитями связаны с реальными условиями жизни; и исследование этих связей и зависимостей составляет в высшей степени важный и поучительный отдел как самого научного знания, так и социальной практики.

3. И тем не менее, все это лишь одна сторона вопроса: в нем есть и другая.

Во-первых, столь же несомненно, что—на ряду с рефлексами жизненной практики и процессов производственного труда—динамика знания коренится также и в особом, независимом теоретическом инстинкте любопытства, любознательности. Удивление, вызываемое новым, неизвестным, непривычным, свойственно уже многим высшим животным, особенно молодым: стоит вспомнить о любопытстве котят, щенков, особенно же обезьян, о их инстинктивном стремлении знакомиться со всем еще неизведанным. В этом состоит *психологическая* основа непосредственного стремления к знанию, к истине.

Во-вторых, у человека очень рано присоединяется к этому другой, высший—*логический* мотив, скоро переносящий познавательный интерес на *систематическое* развитие знания—на исследование того, что непосредственно не имеет уже отношения к жизненным потребностям и не вытекает прямо из трудовой практики, но что связано с ранее познанным отношениями связности, внутреннего сродства, цельности и т. д.

Надо различать, с одной стороны, *сведения*, *познания* вообще, и с другой—*науку*. Сведения могут быть, хотя бы и многочисленными, но разрозненными, не связанными внутренне; наука всегда систематична, в основе ее всегда лежат некоторые принципы, общие предпосылки, и сведения становятся «научною» лишь с того момента, как они начинают представлять собою внутренне связанное, «логическое» целое. «Восточные цивилизации (египетская, вавилонская, индийская, эгейская) накопили для целей землемерия и архитектуры, для измерения полей в долине Нила, для